Цена 7 коп.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ

№ 6 | „ИЗДАНИЕ РАБОЧЕГО КРАЯ“ | 1924 г.

ПОДКУРИЛИ.

„В Ив.-Вознесенской губ. будут пущены еще четыре фабрики“.

Из доклада.

ПЕРВЫЙ ФАБРИКАНТ.—Вы куда полетели, Дмитрий Геннадич?
ВТОРОЙ ФАБРИКАНТ.—К Макдональду думаю махнуть, если удастся. Там спокойнее нашему брату.
Здесь даже в хожалые не берут.

Привычное.

В дверь постучали.

Иван Иваныч, оставив недопитый чай, вышел в переднюю, с молниеносной быстротой глянул в замочную скважину, опытным взглядом рассмотрел в темноте портфель, в одну десятую долю секунды понял все, что в таких случаях понимать полагается, изобразил, насколько мог удачнее, на своем лице выражение старческого слабоумия и прошамкал сипло:

— Вам что угодно?

— С переписью к вам. Отворите, пожалуйста.

— Да дома-то никого нет, батюшка. Одна я, старая..

— Это неважно. Вы сможете дать мне все нужные сведения.

— И-и, батюшка! Стара уж я стала, чтобы сведениями заниматься! — просипел Иван Иваныч, разражаясь удушливым старческим кашлем. — Может зайдете погодя. Так-этак часиков в 5 либо в 6 утра, — дома все наверняка будут. Узнаете, что нужно.. А мне, старой кочерге, за одиннадцатый десяток вчера перевалило, так я...

Резоны не действовали. Человек за дверью настаивал.

Иван Иваныч вздохнул:

— Ну, хорошо, батюшка. Пойду посмотрю, нет ли кого, случаем, дома. Долго ли мне, старой, не заметить.

Войдя в комнату, Иван Иваныч, с видом капитана на тонущем корабле, рассыпался градом приказаний:

— Слушать внимательно команду! Ваня, режь провода и вывертывай лампочки! Петя, зажигай лампадку! Забыли масла купить?! Черт вас дери, идиоты!! Лей подсолнечного,- -сойдет! Маня, вывертывай кран на кухне, да не забудь заткнуть чем-нб., чтобы вода не лилась зря!. Сережа, приведи канализацию в негодность,—тебя учить нечего!. Матрена, гриммируйся дальней родственницей, прячь козу в печку! Не влезет? Не рассуждать!! Обязана влезть, раз дело пахнет налогами! Булки и сахар со стола долой! Тащите сахарину и черных сухарей! Мишка, снимай новые сапоги! Походишь пока босиком... Всем принять надлежащий вид! Ну, живо!!

И, накинув старый засаленный капот, Иван Иваныч пошел отворять дверь.

— Пожалуйте.

Вошедший окинул изумленным взглядом странную фигуру.

— Дома, все дома,—приятно улыбнулся Иван Иваныч. — Она, старая, вечно напутает. Пажалте-с!

Приступили к делу.

— Вы—хозяин квартиры гр. Обывателев?

— Не совсем.

— То-есть?

— Да видите ли какого рода дело. Моя фамилия, действительно, Обывателев, но на хозяина квартиры я, простите, не согласен. Действительный хозяин некто Небывальский. Он, видите ли, на днях помер.

— Это однако-ж очень странно. Мне указали, что хозяин квартиры именно вы—гр. Обывателев.

— Происки врагов-с. Я просто хороший знакомый Небывальского. Покойник перед отъездом просил позаботиться о его семье, часть каковой вы сейчас и улицезреете. Ваня, Петя, Миша, Коля! Вот-с, неугодно ли, — так сказать, несчастные дети не менее несчастного отца. Здесь не все; остальные просят подаянья на улице.. Поинтересуйтесь: 17 детей и одна жена, притом в чрезвычайно интересном положении.

— Скажите! Неужели 17 человек детей?!

— Да, вообразите себе! Горе покойного отца не поддается описанию. И при всем этом ни малейших средств. Покойник был дьявольски непрактичный малый. Теперь на мне лежит обязанность заботиться о такой семье.

— Это ужасно! Как же вы справляетесь?

— Давно бы уж повесился, если бы не клятва, данная мною старому другу. Сам я уволен со службы за сокращением штатов и живем мы тем, что спускаем с себя понемножку. Видите, в каком капоте хожу? Вчера продали Ванькины сапоги и по такому торжественному случаю пьем чай (конечно, суррогат) с сахарином. И даже освещаемся. Правда, освещение неказисто, но все-таки лучше, чем сидеть в темноте. А тут чуть не каждый день налоги. Вы, я полагаю, относительно каких-нб. новых налогов?

— Нет. Я просто с переписью к вам. Всеобщая перепись. Учет населения.

— Что-с?! Так вы не насчет налогов?

— Ничего подобного.

— Честное слово?

— Самым серьезным образом.

— Ну и напугали же вы меня, батенька.

Н. Кимай.

Трезвый очевидец.

— Братцы, слышали? Васька то до чертиков допился.
— Вре-ешь!...
— Право слово! Вчерась я сам видел, как они по нем ползают.

Кислый воздух.

Вагон. Полумрак. Пассажиров мало. В одном купе чадят цыгарками двое в картузах. В другом купе двое в шляпах курят папиросы. Картузы беседуют. Шляпы слушают.

Первый картуз.—Хорошо времячко. весна.

Второй картуз.—Дров меньше пойдет. Скоро по грибы.

Первый.—Вашу фабрику надолго остановят?

Второй.—На месяц.

Первый.—Нашу на полтора.

Второй.—Меня на курорту посылают. В крым.

Первая шляпа (шопотом).—Слышите?

Вторая шляпа (со вздохом.)—М-да, дожили, чорт возьми.

Первый картуз.—Хвораешь, значит?

Второй.—Каку то бацилу в груди нашли.

Первая шляпа (шопотом).—А рожа норовит лопнуть.

Вторая шляпа (шопотом).—Известно, нас с вами не пошлют.

Первый картуз.—А я в дом отдыха поеду. На две недели записали. На Волгу.

Второй картуз.—Хорошее дело. Отдохнешь там. У тебя какая болезнь?

Первый картуз.—Невры что ли не в аккурате.

Первая шляпа (с ожесточением).—Тьфу!

Вторая шляпа (шопотом).—С-сукины дети!

Второй картуз.—В крыму, говорят, хорошо.

Первый.—Осенью виноградом, чу, кормят. Так и поел бы.

Первая шляпа (свистящим шопотом.—До чего набаловался народ. Какой нибудь ткачишка и вдруг—винограду захотел.

Второй картуз.—Там всякой фрукты много. Поедим, может.

Вторая шляпа (шопотом).—А соленого огурца не желаешь?

Первая шляпа.—Мы налоги плати, а оне...

Вторая.—Петр Митрич, пересядем в другой вагон? Здеся душно что то.

Первая шляпа.—С удовольствием. Действительно, как будто в воздухе кисло.

Оба встают, выходят, задний с треском хлопает дверью.

Максим.

Мамаево праздничное побоище.

— Ляжем костьми для ради пасхи.

С миру по нитке—торгашу петля.

«Рабочие Шуйской суконной ф-ки записываются в ЕШПО». *«Раб. Кр.».*

Друзья, не пришибить дубьем
Торгашескую нацию.
Скорей убьем
Ее рублем
Через кооперацию!
Вы это поняли и дружно
Стремитесь в кооператив,
Торговцам дни укоротив
И оборот их сократив...
Всем беднякам вот так-бы
нужно!..

С. О.

Старое наследство.

«В бане при Мало—Кохомской М-ре на полу чуть-ли не на вершок грязи»...

Письмо рабкора.

Проклятый царский строй оставил
нам наследство,
Наследство это:
Грязь и темнота.
От них одно, ребята, средство!
То средство:
Свет и чистота!

С. Ч.

Плакатное.

Прежде тут был трактир купца Расшвырина. Теперь:

«*Чайная и столовая ЕПО с подачею пива и продажею вина*».

Справа на двери плакат:

«*Пиво*».

Слева на двери плакат:

«*Вино*».

Три приступки ведут в коридор. Справа на стене плакат:

«*Тесными сомкнутыми рядами все в кооперацию!*»

Слева на стене плакат:

«*Пиво и вино*»!

Каменная лестница вверх, где чайная и столовая. На первой площадке плакат:

«*Пиво*»!

На второй площадке плакат:

«*Вино*»!

Гремя сапогами, коленками и локтями с лестницы стремятся навстречу посетители, которые досыта напитались кооперативным чаем и обедом.

Еще дверь, на которой еще плакаты. Справа:

«*Пиво и вино*»!

Слева:

«*Рабочие и крестьяне, кооперация залог торжества социализма!*»

За дверью чайная и столовая. Направо вход в буфет. На стене плакат:

«*Пиво*»!

Налево столики, столики, столики. Дым, как в кузнице. Шум, как в ткацкой. По случаю базара людно. На столиках пиво и вино, вино и пиво. Над столиками портрет В. И. Ленина, под которым объявление:

«*Рыбная поджарка 50 коп.*»

Справа от портрета другое объявление:

«*Не выражаться*»!

Портреты: Калинина, Троцкого, Луначарского, Рыкова, Зиновьева смотрят со стен на многочисленное собрание последователей кооперации.

Еще плакат:

«*Каждый кооператор должен быть культурным торгашем*».

— Не надо сдачу, бери себе,— распоряжается, покачиваясь, грузный гость с лицом цвета красной меди.— Н-наторгуем еще, рупь торгуем—два харчуем. Знай наших. Это, брат, тебе не ваша кыперация. Бери сдачу, на, еще!

— Покорнеюще благодарю, Андрей Степаныч,—низко кланяется служащий, украшая себя почтительной улыбкой.

По соседству дискуссия о вере.

— Как они там ни говори, эти самые товарищи, а без бога никак невозможно!—гремит на всю залу могучий бас.—Первое самое...

Оратор потрясает кулаком в дымном воздухе:

— Кто создал свет божий?...

— Господь,--подсказывает тенорок.

— Подай, Христа ради на пропитание, дребезжит жалостным голосом оборванный мальчишка, жадно взирая на колбасу, которой закусывают слушатели.

— Прочь,. паршивец! — огрызается оратор.

— Пошел, пошел,—в спину толкает мальчишку служащий.—Шляетесь тут.

— Еще дюжину, эй!—слышится команда.

— Как я был партийный, а теперь беспартийный, прямо скажу, теперь я никого не боюсь,—сообщает длинновязый мужчина в новом пальто, колотя себя в грудь кулаком.—И разные партии мне теперь, прямо скажу, не нужны, потому как я, прямо скажу, свое дело открыл.

В углу опять плакат:

«*Кооперация раскрепощает женщину, уравнивая ее с мужчинами*».

— Вася, скоро ли домой? Идем, что ли?—упрашивает страдальческим голосом молодайка в ситцевом платочке своего компаньона.

Этот устремляет на нее мрачный взгляд мутных глаз, долго смотрит, икает, потом грозит указательным пальцем:

— Нишкни, Дашка!

Трезвый посетитель у печки просит служащего:

— Товарищ, позвольте газетку?

— Нет газеты,—следует быстрый ответ.—На обертку газеты вышли.

— Пожалте-с, здесь вот свободно,—приглашает человек с салфеткой под мышкой вошедших даму в шляпе и мужчину в серой кепи.

Место у окна. На подоконнике пустая клетка.

— Птичка мертвая,—говорит дама, показывая пальцем на канарейку, которая валяется вверх лапками.

— Так точно-с, подохла, — подтверждает человек с салфеткой.— Воздух здешний не допущает птичку.

К. Вадрат.

Послепраздничное.

— Гражданин Агашкин, вы обвиняетесь в оскорблении преклонных лет старика гражданина Младенцева, в буйстве и прочем озорстве. Признаете ли себя виновным?

— Не признаю и дозвольте объяснить всю эту мумию.

— Какую мумию?

— Ну, буйству эту самую, от которой самолично я потерпевший, а прочие остальные непричем.

— Говорите...

— Гм... хмы... ках, ках... извините, в горле... кхы... кхы... першит, потому как для храбрости одну единственную бутылочку пивка...

— Не уклоняйтесь.

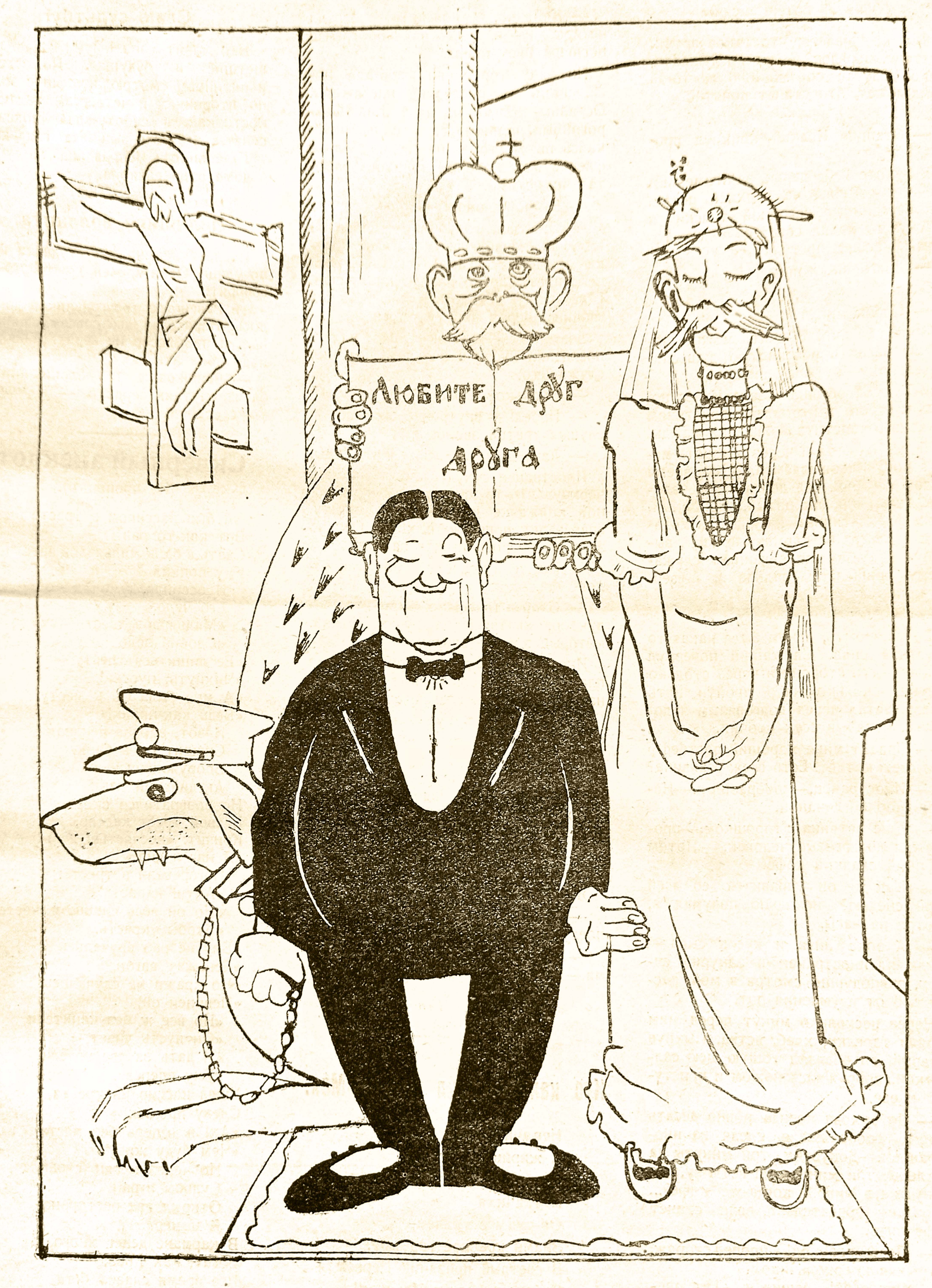
— Слушаю-сь. Гхмы, ках, хмы... пристал окаянный кашель, чтоб ему пусто. Сию секунду... Вздумал это я по случаю пасхальных дней засвидетельствовать папаше крестному родственное почтение и с любовью низкий поклон. Надел сапожки новые, девять с полтиной в кредитную рассрочку плачены, потому, хотя пролетарьят, а люблю честь честью и рубашку тоже хорошую надел, на груди птица кочет вышита. Хорошо-с. Вышел на улицу честно, благородно, природой любуюсь и губами «Варяга» насвистываю. А перед этим папаше крестному в пивной яичко печеное купил, потому как старичку желательно утешение сделать родственным гостинцем.

Хорошо-с. Иду, значит, а навстречу Кузя Теркин, мой друг с юных лет, можно сказать, и вместе, выпивши однажды, тонули в реке. Зайди, говорит, ко мне, будь другом. Зашли. Малость сущую раздавили и пошли к Мише Клюкину. По дороге лазили на колокольну и там ветряным ветром с Кузиной головы шляпу сдунуло. Повязал тогда Кузя голову платком для носа и отправились мы к Мише. Посидели там какие нибудь два часа времени и втроем отправились к Васюхе Яшкину. Пришли к Васюхе, протащили померанцевой горечи и пошли вчетвером к Мите Гайкову на один момент, можно сказать...

И вот тут то уж я не помню, каким манером я вдруг оказался перед дверью папаши крестного. Только смотрю, на двери замок. Такая меня обида за сердце взяла, что снял я сапожок с ноги и давай по замку стегать. Каблук напрочь и замок напрочь. Вступаю чинно благородно в дом и вижу на столе щи в чугуне. Очень приятно, думаю. Щи, пускай, холодные, зато мясные. И только я начал есть, вбегает папаша крестной с метлой и начинает по моей личности, словно по мостовой мести. Уходи, говорит, попы идут со святом и с глаз моих долой, чтобы запаха твоего не было. Но как я по убеждениям против попов, которые суть затемнение и опиум, то взял я кочергу из под печки железную и занялся обороной своих убеждений, не желая допускать попов. Папаша крестный отступил в коридор и я тотчас дверь на крючек, лег на печь и заснул. Вот и все, а буйства никакого не было и я кончил.

Один прохожий.

Английская современная свадьба.

МАКДОНАЛЬД.—Ах, как мудрено сохранить свою девственность в присутствии таких очаровательных мужчин, как наш милый король и мой будущий лорд-супруг.

Загадочный случай.

(Один из сотен тысяч).

Вы спрашиваете, что такое время, система, порядок? А вот послушайте, какой случай со мной был, тогда вам, может, это станет понятно.

— Станция Новки!—крикнул проводник.

В духоте и бездельи, за неименьем свечи, я томился на верхней полке. От бессоницы, вагонной тряски и трескучего храпа соседей болела голова. Я решил прогуляться.

— Долго ли стоим

Здесь?

— Сорок минут.

Вона сколько! Значит, можно неспеша распить российскую душеспасительницу—бутылку пива.

В буфете обычная давка. Известно, что в дороге мы страдаем приступом ужасного аппетита и бешеной жажды.

Я сел за стол и через двадцать минут получил ожидаемое. В это время рядом со мной сел долговязый человек, тщательно выбритый, спокойный, даже флегматичный на вид. Он мельком взглянул на карманные часы, вытянул руку по направлению к служащему, прищелкнул пальцами и твердо крикнул:

— Эй, псст!

Должно быть, в нем была какая-то властная сила. Служащий повернул голову в его сторону и через столько секунд, сколько надо пройти пять шагов, встал перед долговязым человеком, позабыв всех прочих.

— Давайт мине хороший ростбефф или свеж котлет. Есть свеж говядина?

— Иностранец,—сообразил я.—Немец либо англичанин.

— Еще ветчина с горошком,—продолжал долговязый человек. — Потом крепкий сладкий кофе.

— Как же он управится со всей этой снедью?—невольно подумал я, смотря на часы.

— А пока пива и кусок сыра,—заключил иностранец и закурил сигару, равнодушно смотря в мой раскрытый от изумления рот.

Через несколько минут перед ним стояли тарелки, хлеб, яства. Пыхнув сигарой, он обвязал тощую шею салфеткой, вооружился ножом и приступил к еде.

— До отхода поезда ровно десять минут,—соображал я, следя за иностранцем.—Допустим, три минуты на котлеты, три минуты на ветчину, две минуты на пиво... когда-же кофе?... Опоздает обязательно, если станет кофе пить.

— Первый звонок!—пропел сторож, громыхая колокольчиком.

— Опоздает!—решил я.—Тут звонят, а он в ус не дует. Вот так тип, чорт возьми.

Тип лениво поковырял в зубах и придвинул котлету.

— Конечно, запоздает, — заерзал нетерпеливо я, глядя как иностранец неспеша пьет пиво.

По залу торопливо забегали носильщики и последние пассажиры. Остались только мы двое. Как зачарованный, поднимаясь и снова опускаясь на место, я не сводил глаз с флегматика, который покойно работал челюстями.

— Второй звонок!—пропел сторож.

— Опоздал, голубчик, — злорадно подумал я, наблюдая с часами в руках движения соседа.—Сидит и бровью не двинет, словно из пробки сделан. Полкотлеты осталось и кофе. Проел машину, через минуту уезжаем.

Долговязый человек сунул в рот последний кусок и пальцем поманил служащего.

— Сколько?—спросил он.

— Проел! — внутренне ликовал я, слушая третий звонок.

— Давай!—донеслось с платформы.

Иностранец сунул сдачу в карман, черкнул что-то карандашом в записной книжечке и раскуривая сигару, вперевалку пошел к выходу. Словно загипнотизорованный, я за ним.

— Неужели поспеет?—обожгла голову беспокойная мысль.

— Скорее, граждане,—крикнул кондуктор, хватаясь за ручку вагона, который поплыл вперед.

Иностранец оправил кепи, вытащил платок, основательно высмаркался и на ходу прыгнул в следующий вагон.

— Поехал! — ахнул я и невольно себя по ляжкам, тупо смотря вслед вагонам.

Придя в себя от изумления, я вспомнил что мне тоже надо ехать и что было сил помчался за красным огоньком последнего вагона.

— Нельзя на ходу,—остановил меня дежурный по станции.—Воспрещено.

Я растерянно захлопал глазами.

— Как же?... Когда-же я в Москву поеду?—пролепетал я, потея от ужаса.

— Завтра поедете, в это же время,—отрубил дежурный по станции.

Квадрат Кубов.

Кто как встретил Первое Мая.

Непачиха
С жирным непачем
Встретили его за куличем,
А ткачиха
Об-руку с ткачем,
Знамя красное вздымая,
В светлый праздник Первомая
Сердцем были с Ильичем!

С. Челноков.

Об'явление на заборе.

Сваю судьтбу!

Кто хочит узнать настоящее, прошетшие и будущая. По средам и пятницам смотрю в кофш с водой, по вторникам и четвергам гадаю на косточках, в суботу даю полезные советы, а также вышиваю гладью.

Гадальница Исправдина за углом в доме отца дьякона.

Излишняя волокита.

После экзамена два студента идут по улице. Один мрачен, другой угрюмо говорит:

— Равенство треугольников досталось. Нарисовал два совсем одинаковые, а профессор не верит. Говорит, надо доказать.

— Бюрократы и волокитчики,— басит спутник сердито. — И мне он тоже сказал.

Скверный анекдот.

(Из прошлого).

Он был кассиром в тресте
Вот как-то раз
Сдать в банк мильярдов двести—
Ему приказ.
И осенила дума
Его чело:
«Мильярдов двести—сумма
«Сдобна зело.
«Ее лишиться тресту—
«Чихнуть, пустяк!
«А мне была бы к месту,
«Ведь как-никак!»
И вот, забрав дензнаки,
Спешит он в банк,
Вооружившись, аки
Английский танк.
Но возвратился скоро
В свой трест кассир,
Кричит: «несчастье! воры!
«Я наг и сир!»
Погоревали в тресте:
«Ахти! напасть!..
«Но он ведь слишком честен,
«Чтобы украсть.
«Ему не раз вручалось
«Деньжат вагон,
«Но кражи не случалось.
«Невинен он!
«Но все ж без канители
«Он пусть уйдет,
«И дать за две недели
«Ему вперед».
Ушел кассир из треста,
Слезу пролив:
«Ах! я теперь без места.
«Чем буду жив?!»
Но через месяц (странна
Судьбы игра!)
Открыл два ресторана
И номера.
В кармане денег много,
Богат, как Крез,
Все время славит бога
И мудрый трест.

Н. К-й.

«Учитель Х. Шуйск. у., говорил против религии, «как Гамза», а после всего этого пошел в церковь»...

(Из газ. «Раб. Край»).

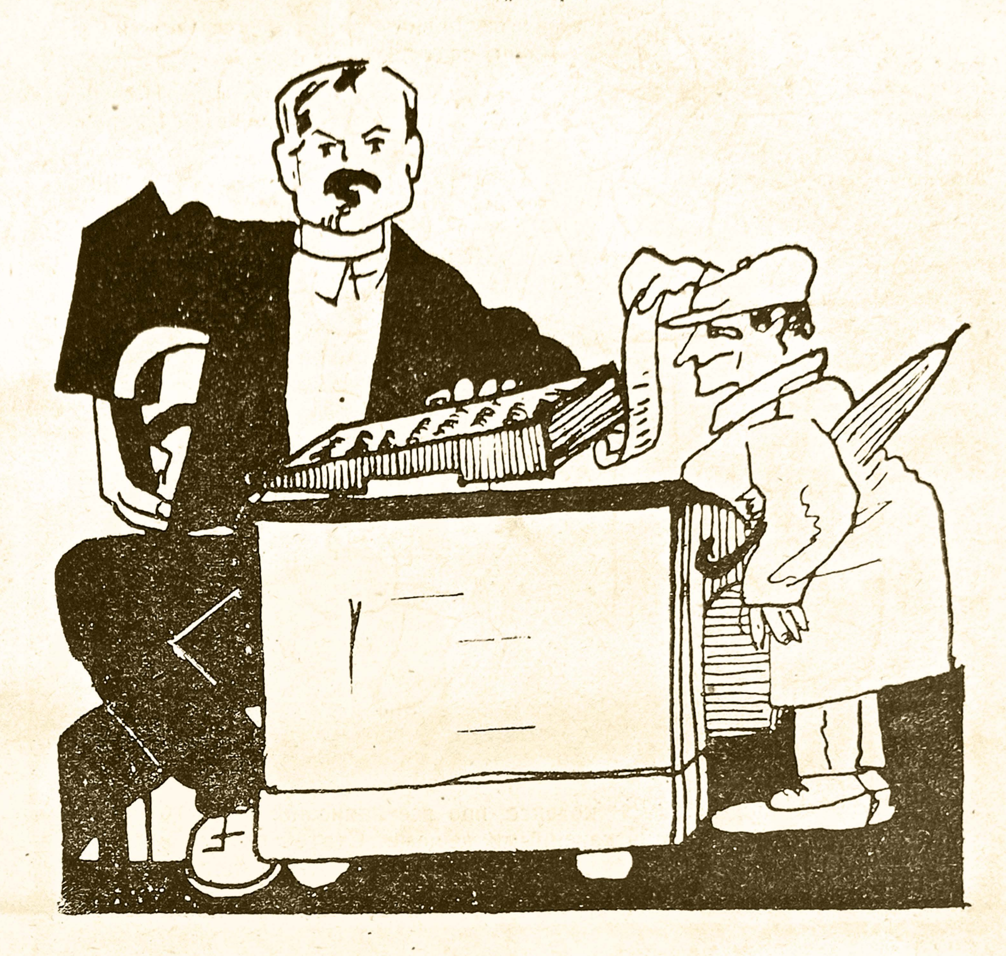
«В Иванове, в кладбищевской церкви певчим давали по будылке портвейну—мужчинам, и по флакону одеколона--женщинам».

(Из городск. хроники).

Попу сказал Ипат: «и бог и вера—вред,
И в церковь не пойду,
Хошь ты и раскричи нам»...
Я посмотрел в окно:
Ипат наш в церковь прет,
Ба! в чем сия причина?!
Я в церковь заглянул:
В церквушке так голо!—
Ипат на клиросе подтягивает чинно.
Оказывается то: дают одеколон—
для женщин, и портвейн—мужчинам,
Которые поют, (Ипат тож тянет зад)...
Вчера еще кричал:
«Религиишка—нож нам!..»
Сегодня пьяный гнет:
«Что так за так нельзя,
то забутылку можно!».

Ве-Ке.

Газета Рабочий Край приняла шефство над Нижне-Уводской Мануфактурой, которая названа „Фабрика Рабочий Край".

ШЕФ ЛИТОВСКИЙ.—Не можете-ли, товарищ Фирстов, оплатить счет за расходы по принятию шефства? Или объявленьице пожертвуйте. Мне за бумагу для газеты надо платить.

Городские цветы.

Мостовой взрощенные,
Зноем истомленные,
Ты видал цветы?
Видел их бессильные,
Вялые и пыльные
Жаждущие рты?
А встречал-ли маленьких—
В шапке, в кофте, в валянках—
Тощих торгашей?
— Семячки жареные!..—
— Семячки каленые!..—
Жалко малышей!
— Семячки жареные!...
Красные, каленые!..—
Бедные цветы!..
Вот они,—раскрытые,
Мусором забитые,
Жаждущие рты!

Семен Овский.

Из подслушанных разговоров.

„Нижне - Уводская М-ра признала имя своего шефа—газеты „Рабочий Край".

— Слыхали?
Нижне-Уводская
Вступила в брак?..
— Но как-же это так?..
— Ну, да!.. Теперь она—
Жена
„Рабкрая"...
Да, это—брак!
Но только этот брак
Мы называем по-другому:
„Смычка".
Расти и крепни, смычка—свычка,
Чтоб поскорей одрях наш враг!

С. Овский.

Новейший трактор.

Прежде и теперь.

„С.-х. машины отпускаются деревне на льготных условиях".

Из газет.

— „Ну, тащися, Сивка,
Пашней—десятиной!"—
Говорил крестьянин,
Вскормленный мякиной.

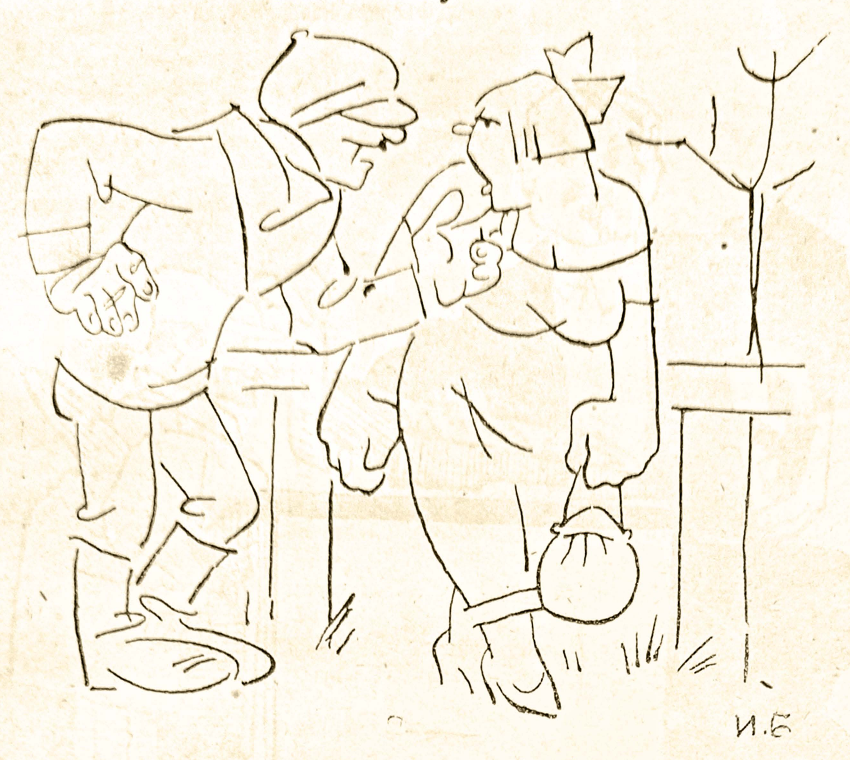
Сивка—кости с кожей,
Сбруя из мочала,
Самою, как ветром,
С голоду качало.

...Не тащится Сивка
Пашней—десятиной,—
Пахарь, сидя, правит
Тракторной машиной.

— Чем ты, дядя, пашешь?
— Трахтуром, известно...
— Хорошо-ли ездит?
— Знамо расчудесно!..
Вишь как рвет дернину,
Вишь, как режет корни!..
— Ну, а Сивка где-же?..
Где?.. На живодерне!..

Семен Овский.

Сила солому ломит.

— Тебя опять судят?
— А что поделаешь! В кодексе про все написано: и взяточничество, и воровство, и спекуляция казенными вещами. Статей разных целая куча, а я—один.

Частушки про пятиполье.

«Крестьяне дер. Дуброва, Семеновской вол., переходят на пятиполье.»

Корреспонденция.

— Братцы, братцы! Скоро – сев,
Бросьте-же трехполку!—
Говорил рабочий шеф
Нашему поселку.

Думали-подумали,
Малость побранились.
С шумом-ли, без шума-ли,—
Только согласились.

— Здравствуй, майское приволье,—
Солнце в небе—твой венец!..
С трех полей на пятиполье
Переходим наконец!..

— Что поделываешь, Феня?
— Утепляю, значит хлев,
Как советовал третедни,
Наш заботник-красный шеф...

Липы вешние крылаты,
Цветом пенится земля...
— Вы куда пошли, ребята?..
Перемеривать поля!..

С. Юрьевский.

...„Мы строим Рабочий Дворец“.

„Рабочие Иваново-Вознесенских фабрик охотно производят пожертвования на постройку дома имени Ильича“.

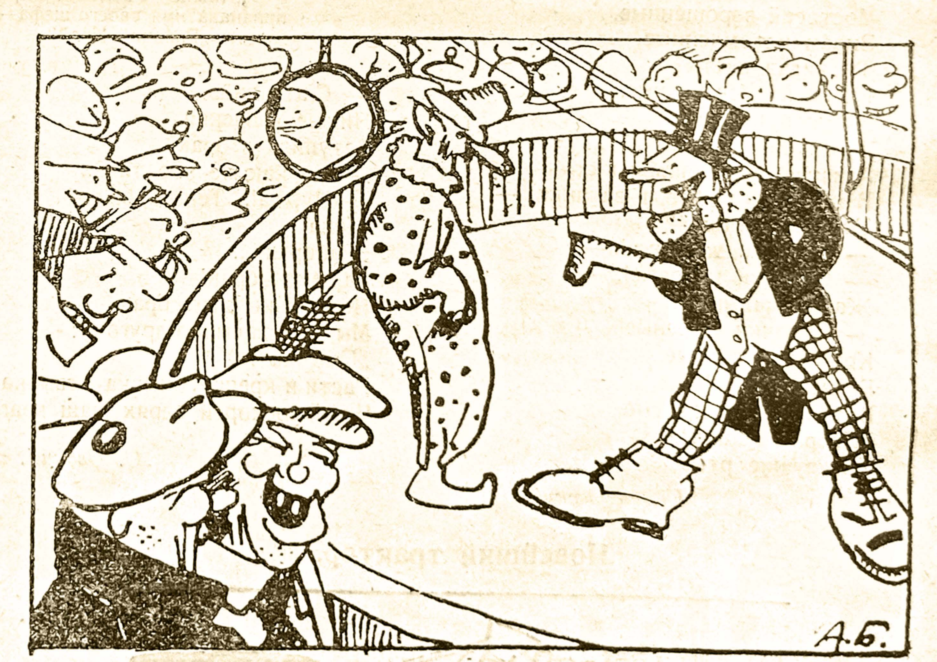
Из корреспонденции.

От богачей,
От непачей.
Мы не дождемся кирпичей.
Дом Ильича.
Для непача
Не тс, что для простых ткачей.
Ни калача,
Ни кулича
Подчас не видно у ткача,
Суровый ткач
Не строит дач,
Но строит дом в честь Ильича.
Ткач за ткачем
На новый дом
Несет кирпич за кирпичем.
Гляди, Ильич:
Чей тот кирпич?
А этот чей?
Ткачей, ткачей!..

С. Челноков.

Два смешных представления.

В первый день пасхи открылся цирк „Гигант“.

Зритель: Я сегодня второй раз смотрю на представления,— утром в церкви смотрел. Оч-чень тоже смешно было!

Машинная ария мужика.

За истекший год снабдили себя новым инвентарем только обеспеченные крестьяне; большинство же крестьян середняков и незаможных (31 проц.) совершенно не имеют машин.

Из газет.

Полюбил я ее, полюбил горячо, а она на любовь смотрит так холодно!

Сенокосное.

Золотисты и румяны
Заревые росники
Раным—рано
У поляны
Собирались мужики.
Сквозь туман беловолосый
Зорька теплилась вдали...
Засвистали в травах косы,—
Травы на земь полегли...
Задрожали, наклонились
Голубые бубенцы.
Закачались, повалились
Чаши, звезды и венцы...
Как сойдет роса, с граблями
Бабы по-лугу пойдут.
Над зелеными валами
Девки песню заведут.
На зеленые просторы,
На бескудрые луга,
На поля, дороги, боры
Глянут круглые стога.
Не уйти траве от грабель,
Не спастись цветам от кос,—
Все поляны он ограбил—
Загорелый сенокос!

Семен Овский.

Загадка и отгадка.

«На фабрике БИВМ из 869 женщин до 50-летнего возраста 41% неграмотн.».

«Раб. Край».

— Кто злейший наш враг?
— Мрак!..
— Как нам на него ополчиться?
— Учиться! Учиться! Учиться!

А. Тр.

Бой из-за булки.

И бысть такожде в с. Наволоках, Кинешемск. уезда, на пасхальной неделе.

Ввалился в домишко рабочего целый поповский табун и ну голосить. Гнусел о. Павел, взывал о. Евгений, а чины пониже подтягивали заливчато:

—... ввер.. ных!!!..

Нежила взоры груда красных яиц на столе, а в сердце копошилась радость за веру православную и.. поповский карман.

— Усердно лбы еще бьют.. подержимся еще, значит!—исследуя туго набитый карман, думает о Евгений,— „м-да! поддержимся!“ И еще уверенней звучит глас Божий в тесной рабочей хибарке.

По паре яиц, малую толику дензнаков получили глашатаи слов божих, а сверх всего булку, да не такую, какую нибудь, а чистопшеничную, поджарую и румяную с бочков. Из за булки и пошла смута великая И пошла...

Как иностранные дипломаты на конференцию по разоружению ходят, такожде и наши апостолы шли к себе на квартиру разгружать божью продукцию—важно и с приструсочкой. Все шло прекрасно, деньги и яица прошли безболезненно, а как дошло до булки дело—стой машина!—никак не поделят булку.

— Т-т-т-к-к.. у м-меня семья большая... т-т-т-к я должен взять булку, д-д-дас!—заикаясь сказал о. дьякон и тянул к булке руки.

— „Как так,—гневно вскричал о. Евгений,—или я не глава сей церкви, презренный?! А?..—жест рукой к окну, туда где белела церковь —Я беру булку, д-дас... по праву старшого-с!—сказал и внушительно сгреб булку.

— К-к-как?!! Ты н-нас с голоду известь хочешь? А? В-вертеп адский!!! Наввухходоноссор!!! Змий райский!..— вцепившись в власы отца Евгения вопил о. Павел.

— Я старший.. старший... старший..—награждая тумаками о. Павла доказывал о. Евгений.

— Семья большая... большая... большая,—вопиял о. Павел.

— Отступись, Вельзевул адскиий... Ммаракас!

Отстань, Навуходоносор!..

Клочками летели волосы, вздувались изрядные синяки на шеях; трещала по всем швам злосчастная булка. Кончили лишь тогда, когда на полу осталось многое множество волос и крошки на столе от пшеничной красавицы булки.

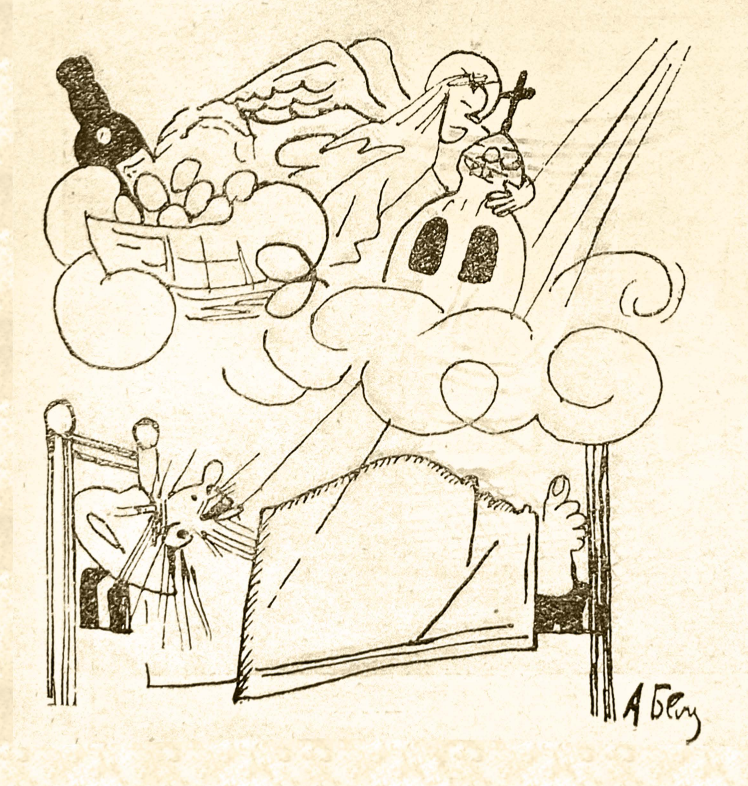
Веке.

На курорты!

Светлый Май во все сердца стучится
и зовет куда то... Но куда?..
«Кто устал от зимнего труда, тот
весною должен подлечиться»...
Значит, вон куда зовет нас Май:
— На курорт!..
В тот благодатный край,
Где цветы пышнее, небо ярче,
Воздух мягче, чище, солнце жарче,—
Словом, где чуть-чуть не синий рай!..
Прошлый год и я там был, ребята.
Что за жизнь!
Гуляй, ленись да жуй
От восхода солнца до заката!
Словом, жил, ребятки, как буржуй!..
Помните, чай, *старые порядки?*
Раньше кто катился ни курорт?
Лишь богач!
От выхоленных морд
Не было проходу там, ребятки.
А теперь?..
Теперь любой бедняк
В теплый край на отдых ехать может,
Власть советская ему поможет,
Для нее он—друг, ведь, а не враг.
Эх, ребята!.
Хорошо поехать
Из скупого края снежных вьюг
В край цветов, здоровья солнца, смеха
Где пройдет любой недуг,—
На привольный юг!..

А. Троицкий

Сошествие святого духа на апостолов.

Паки и паки церковные драки.

В Юрьевецком соборе на «светлое воскресение»
Произошло кровопролитное сражение.
Чтобы не пустить в храм Беляева, попа оживленца,
«Мертвая выкинула своеобразное коленце —
—Выставила на паперти во благо человечества
Дозор из именитого Юрьевецкого купечества.
Поп Беляев не дурак оказался тоже
Снарядил экспедицию из купечества помоложе
И благословил ее, не останавливаясь перед дракой,
Взять собор лобовой атакой.
И вот, на паперти божьего храма
Разыгралась кровавая драма.
Позабыв про великие праздники,
Загалдели лабазники:
«Чтой-то Сидоров больно заносится.
«Дай ему, Кириллов, по переносице».—
— «Шалишь и моя копеечка не щербата»—
Сидоров за бороду сгреб супостата
И лишил его безо всякой снисходительности
Половины рыжей растительности.
Беляев в сторонке слал к небу моление:
«Пошли нам на враги победу и одоление.
Долго бились народы...
Долго оглашались соборные своды
Отборной, трехаршинной,
Рассейской матерщиной.
Для того, чтобы разрядить религиозные страсти
Потребовалось вмешательство государственной власти
В лице постового милиционера.
Вот до чего доводит иногда православная вера.
У купца Кириллова на почве богоискательства
Борода обратилась в «вещественное доказательство».

Антон Хмурый.

Киря, выноси на улицу нашу веселую канцелярию; Вася—скликай сюда мимохожую пролетарию, Петруша,—заводи нашу машину, показывать станем бесплатно картины.

Картина первая и комическая, как бушует торговля винно-гастрономическая. В магазинах столь ужасная давка, что невозможно пробраться к прилавку. Вроде как на пожаре гул и крик,—бегают приказчики, высуня язык. Дым коромыслом!

— По какому случаю это?

— Встревожено население винным запретом, которого ожидают на днях,—об'ясняет нам покупатель в золотых пенснях.

— А по какому случаю запрет?

— А это-с большой секрет!

Передал на ухо ему надежный друг этот коммерческий слух. Взволновался наш город:

— Грядет винный голод.

Двинулись пьющие в атаку на бутылки. А сейчас чешут в затылке. Остались в больших барышах, пропились до последнего гроша.

С чем и поздравляем.

Картина сильно драматическая, частноторговое об'явление лаконическое:

«У НАС ЦЕНЫ ТОЖЕ ПОНИЖЕНЫ».

Что это значит? Торговец чуть не плачет. В лавке ни единой души, хоть комаринского пляши. С одного конца припекает Гум, да и кооперация, наконец, взялась за ум.

Старайтесь, ребятишки! Чтобы частной торговле ни дна, ни покрышки!

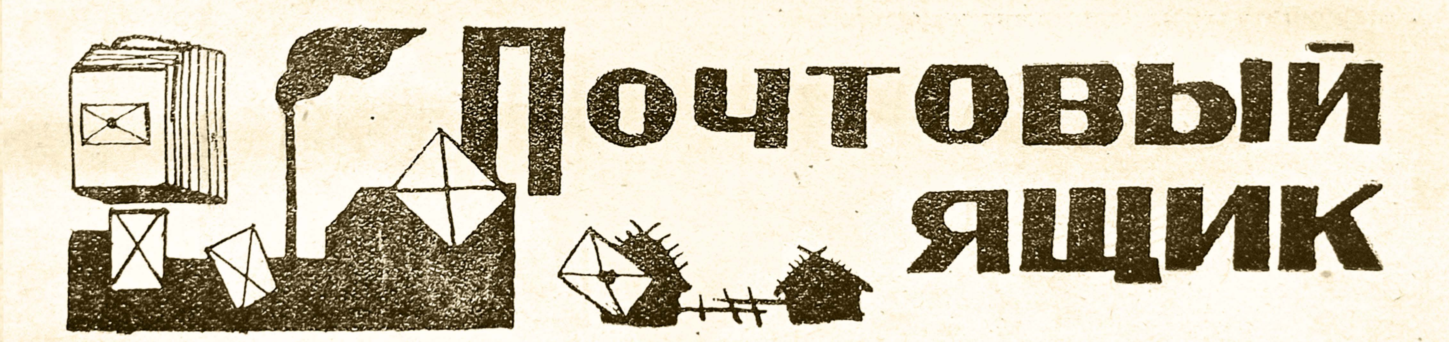
Товарищи, задавят — посторонитесь немного, едут мостовой служители бога. Видите какой веселый обоз, в ознаменование того, что воскрес Христос. Нищая, сирая церковная братия по случаю благополучного кончания Голгофского распятия собрала с прихожан куличей и яиц несколько телег.

Хватит ли, беспризорные батюшки, вам этого на ночлег?

Ну, да не плачь, батя и жди,—скоро снова пойдут дожди. На молебнах с мужика заработаешь.

Петруша, верти, записывай, Киря, в протокол. Такого то числа в одной из ивановских школ сочинили гулящий концерт для сбора кирпича на дом имени Владимира Ильича. На фронтоне повесили портрет, в школе устроили буфет. Входили гости на двух, выходили без задних ног, распространяя винный дух. Сильно, значит, кирпич подмок. Будем строить таким чередом, крепко проспиртуется ивановский Нардом. Не вытравишь скоро.

Дед Карандаш.

Антону Седову.—Прилагаю пять почтовых марок на ответ, ходатайствую напечатать мои стихи,—просит А. Седов.

Вот наша резолюция, товарищ Седов: К глубокому прискорбию ваши стихи сборами и пошлинами не облегаются. Во вторых, не разжалобите, даже если пуд марок приложите. Словом, плохо.

Адрею Цеховому.—Очень хорошо и дельно. В этом роде еще присылайте.

Ивановскому Гейне.—Видимо, Гейне писал в белой горячке:

«Когда наступает ночь, я беседую с собою не различные темы, но мне мешают тараканы, которые шумят на своем языке, а я к сожалению по тараканьи говорить не умею».

Для первого раза попытайтесь обернуть на ночь голову мокрым полотенцем. Не поможет, тогда скорее в больницу.

Смиренному обывателю.—«На нашей улице часто ломается колодец»—извещает обыватель.

Почините как следует и дело в шляпе.

Еноху.—Ну, допустим, мы напечатаем, а зачем читателя мучить сочинением про ваши ссоры с бухгалтером? Нельзя ли оставить хоть читателя в покое, если нас не жалко?

Приказчику.—Обязательно используем.

Норту.—Плохо.

В. Трофимову.—Просьба изложить то же самое в прозе.

Н. Кимаю.—«Сапоги» не пойдут Сильно поношены. Прочее печатаем.

Подписчику из Юрчакова.—Передали в контору.

Н. Левицкому.—Факт интересный, но в стихотворной подливке тонет. Надо короче и в прозе.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Неунывающий
Ехидный
Хозрасчетливый
(но недорогой).

ТОЛЬКО ЗА 7 КОПЕЕК.

И без всяких упылок, утечек, усушек, калькуляций и прочих коммерческих вывертов

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ.

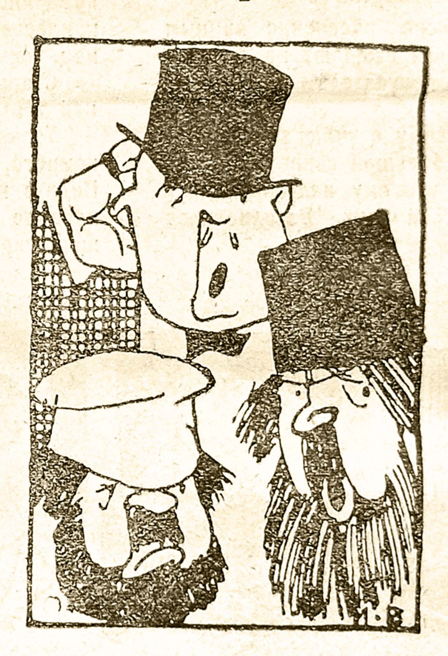
В изящной упаковке из отличной бумаги с каррикатурами, шаржами, зарисовками

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
БУДЕТ ОТПУСКАТЬ
НА СТО ЧЕРВОНЦЕВ СМЕХА.
БОДРОГО, ЗДОРОВОГО.

ВНИМАНИЕ! Мещанам, совдуракам, пьяницам, бездельникам, торгашам, попам, казнокрадам, меньшевикам, эсерам, плохим хозяйственникам, спекулянтам и остальной болотной мошкаре

Бесплатная премия:

1. Вагон неприятностей.
2. Тысячи ушибов.

Примечание: Оптовикам, посредникам, частным хозяйчикам никакой скидки, рассрочки и кредита.

ЕЩЕ РАЗ ВНИМАНИЕ! При подписке на месяц—рабочему читателю в четыре раза больше удовольствия, а Веселому Ткачу **30 коп. подписной платы.**

Второе примечание: Нерасчетливые люди, избегая подписки, а покупая в розницу, расходуют лишний пятачок в неделю, двадцать копеек в месяц, а в год два с половиной червонца, сиречь золотую наличность демократической Германии и ежедневную выручку кооперативного магаз. в нашем засоренном семячками городе.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ **квартирует на Михайловской ул. в Ив.-Вознесенске (вместе с газетой Рабочий Край и журналом Красный Ткач). Телефоны: Редакции 2-14 и Конторы 3-23.**

Типо-литография „КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ" Книгоиздат. Т-ва „Основа". Ив.-Возн. Гублит № 689. Тираж 3650.